

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Г.В. Елизарова

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого,
Республика Беларусь*

Исторически центральным механизмом формирования восточно-славянского менталитета служила крестьянская община. Община – это не просто организационная форма, но и способ жизнедеятельности восточных славян, опосредовавший все их действия. Именно община и сформировала устойчивый стереотип социальной справедливости.

Основу восточно-славянского варианта социальной справедливости традиционно выводят из специфики отношения к собственности на главный источник существования крестьянина – на землю. Главный принцип этого отношения – земля либо Божья, либо государственная, что вытекает из традиции рассматривать единственным источником приобретения имущественных прав только личный труд. А так как земля не является продуктом труда, то она не должна находиться в частной собственности, а только во временном пользовании. В связи с этим и право пользования землей и ее плодами в крестьянской среде распространялось только на тех, кто непосредственно работал на земле. Соответственно, прекращение трудовой деятельности на земле лишало прав на ее владение.

Самое страшное для крестьянина было оказаться за нижним пределом потребления, из чего вытекает, во-первых, приверженность традиционной системе хозяйствования, минимизирующей риск разорения; во-вторых, опасность оказаться в наемных работниках и зависеть в обеспечении безопасного уровня своего существования от другого человека. Все это формировало понимание социальной справедливости как наличия гарантий защиты от разорения и голодной смерти, предоставления каждому труженику минимума необходимых для жизни условий (в первую очередь земли). Община (как передельная, так и подворная) как раз и являлась организацией, представляющей каждому своему члену эти гарантии за счет неотчуждаемости земельного надела.

Подобную крестьянскую систему экономики английский историк Дж. Скотт назвал «моральной экономикой». «Моральная экономика» обеспечивает всего лишь выживание человека на уровне простого существования, но при этом всех членов общества (и в этом состоит ее моральность). «Аморальная» же экономика развитого капитализма обеспечивает весьма высокий уровень материального благосостояния общества, хотя отнюдь не для всех.

С этой же экономической ориентацией связан и характер отношения крестьянства к государству. Государство не должно было изымать у крестьянина жизненно необходимое его семье, а в критические периоды (стихийные бедствия, голод...) обязано было поддерживать крестьянство, не допуская угрозы самому крестьянскому существованию.

Общинно-уравнительные традиции не отрицали достойного вознаграждения за старательность и умение, но всегда ограничивали его определенными рамками, выход за пределы которых осуждался, вызывая негативную реакцию, и ассоциировался с «неправедно нажитым». Основным принципом отношения к богатству служит православный принцип «нестрогой прибыльности рыночного обмена». Сущность его в осуждении получения прибыли любым путем. Богатство скорее вызывало подозрение, чем уважение («Богатому черти деньги куют», «Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом» и т. д.). Преобладали моральные формы стимулирования: качественный и эффективный труд стимулировался не только и не столько материальным вознаграждением, сколько внутренними моральными мотиваторами, что, еще раз

подчеркнем, вовсе не отрицало и «справедливого» (с крестьянской точки зрения) материального вознаграждения.

Как соотносится указанный тип общиной социальной справедливости с его современным вариантом? Коллективом преподавателей ГГТУ им. П.О. Сухого было проведено социологическое исследование, в процессе которого были опрошены студенты г. Гомеля и г. Бреста, рабочие и служащие г. Гомеля и г. Добруша (Беларусь), г. Городни (Украина), г. Клинцов (Россия). Исследование показало, что «примитивно-уравнительный» тип ценностной ориентации («все люди должны получать равную долю материальных благ») – явный аутсайдер (12,7 %). В основе наиболее распространенного подхода к социальной справедливости лежит «трудовой принцип» – материальное благополучие должно определяться трудовыми усилиями самого человека, его личной инициативой, способностями, квалификацией, деловыми качествами (75,2 % респондентов зафиксировали подобное понимание социальной справедливости).

Сохраняет свою актуальность и принцип «нестрогой прибыльности рыночного обмена». По-прежнему для большинства опрошенных богатство вызывает подозрение. Так, только каждый четвертый социальную справедливость связывает с распределением общественных благ между людьми в зависимости от размеров их капитала.

Для 40 % респондентов стремление к богатству, прибыли как главной цели человека искажает подлинный смысл жизни. Для каждого второго богатство имеет смысл как средство полнее удовлетворить свои разумные материальные и духовные потребности, а для каждого шестого богатство сведено до уровня удовлетворения своих естественных потребностей (классический вариант «моральной экономики»).

В таких условиях человек, достигший высокой степени материального благополучия, имеет реальный шанс на «легитимность» в обществе только при условии, во-первых, соответствия «трудовому принципу» достижения богатства, а во-вторых, оказания помощи бедным и слабым. Именно помощь бедным со стороны преуспевающих воспринимают как важнейшую характеристику гармоничного общества и основу для морального оправдания «капитала» (56,7 % респондентов считают, что социальная справедливость – это когда люди получают долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов, личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств, но при этом делятся со слабыми и бедными).

73,8 % опрошенных признают за государством роль института, который должен обеспечивать социальную справедливость в обществе, при этом 73,4 % считают, что государство должно полностью брать на себя заботу о благосостоянии своих граждан и обеспечивать их в случае беды и в старости при обязательном контроле общества за деятельностью государственных органов. Интенсивность и эффективность государственного патернализма выступает основным критерием для большинства опрошенных при их оценке государственной власти. Однако стремление людей опереться на государственные гарантии не означает их готовности в обмен на это представить государству право бесконтрольного действия. Только чуть более трети (37,8 %) респондентов считает, что государство должно полностью брать на себя заботу о благосостоянии своих граждан при отсутствии обязательного контроля обществом деятельности государственных органов.